

ВЗАИМНОЕ ВОСПРИЯТИЕ РУССКИХ И БЕЛОРУСОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТКРЫТЫХ ОТВЕТОВ

© Гагаева О.Н.

аспирант Московского института психоанализа, Москва, Россия
ova30@yandex.ru; ORCID: 0009-0007-7131-812X

Для цитирования:

Гагаева О.Н.

Взаимное восприятие русских и белорусов: сравнительный анализ открытых ответов // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2026. Т. 6. № 2(19). С. 76-84.

DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_02_07

Gagaeva O.N.

Mutual perceptions of russians and belarusians: a comparative analysis of open-ended responses. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2026, Vol. 6, No2(19), Pp. 76-84.

DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_02_07

В статье представлен сравнительный анализ взаимных социальных представлений русских и белорусов, основанный на методологии теории социальных представлений. Исследование построено на анализе открытых ответов 417 респондентов из России и Беларуси. В качестве эмпирического инструмента использовался контент-анализ в логике прототипического анализа П. Вержеса. Выявлено, что взаимные представления имеют не симметричный характер: образ русских у белорусов более сложный и политизированный, тогда как образ белорусов у русских благожелательный, но менее когнитивно насыщенный.

Ключевые слова: Этносоциальные представления, межэтнические отношения, взаимные стереотипы, контент-анализ, прототипический анализ социальных представлений

Введение

Позитивное выстраивание российско-белорусских отношений остается приоритетным направлением внешней политики двух стран и их взаимодействия в разных сферах. Русские и белорусы связаны многовековой историей совместного развития, однако после распада СССР каждая страна пошла по собственному пути государственного строительства, что отразилось на взаимном восприятии народов.

Несмотря на длительную общую историю, культурные и языковые сходства, взаимное восприятие русских и белорусов претерпевает изменения под влиянием социально-политических процессов последних десятилетий. Исследование этого восприятия позволяет глубже понять механизмы межэтнического взаимодействия и оценить потенциал дальнейшей интеграции двух народов (Снежкова, Шалыгина, 2020).

Цель данной работы — описать и проанализировать текущие социальные восприятия, взаимные стереотипы и представления.

Результаты исследования могут быть использованы в разработке стратегий социально-психологического взаимодействия; в программах по межкультурной коммуникации; в СМК для формирования положительных образов соседних народов; в работе общественных организаций, нацеленных на укрепление российско-белорусских связей.

Исследование опирается на открытые ответы респондентов, что позволяет зафиксировать не только количественные показатели, но и качественные характеристики восприятия. Анализ

проводится с позиций обеих сторон — русских и белорусов, что дает возможность сопоставить взаимные представления, выявить сходства, различия, описать устойчивые культурные представления и отделить их от ситуативных оценок, вызванных современными событиями.

В отличие от стандартизированных опросов в исследовании был использован метод открытых ответов. Они дают более полную картину: респонденты формулируют мысли своими словами, что снижает влияние навязываемых формулировок и позволяет выявить неожиданные аспекты восприятия. На основе анализа открытых ответов возможна разработка типологии взаимных образов, которая, при систематическом изучении, поможет прогнозировать динамику механизмов межэтнического восприятия.

В основу анализа положены два ранее подготовленных и отдельно проверенных документа: анализ белорусской подвыборки, посвященный образу русских, и анализ русской подвыборки, посвященный образу белорусов. Мы пытались реконструировать структуру взаимных представлений двух групп, выявить устойчивые смысловые ядра этих представлений и проследить, в каких элементах обнаруживаются сходства, а в каких — принципиальные асимметрии.

Теоретико-методологическая рамка

Теоретической основой исследования выступает теория социальных репрезентаций, в рамках которой ответы респондентов понимаются не как простая сумма индивидуальных мнений, а как

форма социально разделяемого знания, складывающегося в повседневной коммуникации и закрепляющегося в коллективном опыте (Московиси, 1981; Sammut et al, 2015). Такая рамка позволяет анализировать не только содержание оценок, но и внутреннюю организацию коллективных представлений об «ином» народе.

В структурном подходе к социальным репрезентациям предполагается, что представление организовано вокруг относительно устойчивого центрального ядра и более гибкой периферии (Moliner, Abric, 2015). Центральное ядро содержит элементы, обладающие наибольшей нормативной и смыслообразующей значимостью для группы, тогда как периферия включает более контекстные, частные или противоречивые компоненты. Именно это различие особенно важно для анализа взаимных образов русских и белорусов, поскольку позволяет отделить действительно устойчивые коллективные представления от случайных или ситуативных ассоциаций (Емельянова, 2006).

В качестве эмпирического инструмента используется контент-анализ в логике прототипического анализа П. Вержеса. Этот подход строится на предположении, что наиболее значимые элементы репрезентации отличаются одновременно высокой частотой упоминания и ранним порядком появления в ответе (Dany, Urdapilleta, LoMonaco, 2015). Следовательно, аналитически важным является не только то, какие характеристики встречаются в высказываниях респондентов, но и то, насколько быстро они актуализируются. Анализ литературы показывает, что подобный подход может применяться не только к классическим свободным ассоциациям, но и к открытому текстовому материалу, если исследователь ясно описывает правила сегментации ответов, объединения синонимических форм и распределения элементов по структурным зонам (Wachelke, Wolter, 2011; LoMonaco et al., 2017).

Дополнительной интерпретационной рамкой служат исследования межгрупповых стереотипов, в которых образы социальных групп строятся вокруг базовых измерений: морально-этического, мотивационно или деятельностного, и «коммунального» (социальная теплота и компетентность) (Yzerbyt, 2016). Эта рамка особенно полезна для интерпретации полученных данных, поскольку в обоих массивах позитивные образы строятся, прежде всего, через морально-этические, мотивационно-волевые и коллективистские характеристики, тогда как различия сильнее проявляются в блоках негативных черт, перечислении достижений и персоналий.

Дизайн исследования и эмпирическая база

Исследование выполнялось с июля по октябрь 2025 года на основе единого анкетного массива, включающего 417 анкет. В базе собраны две зеркально сопоставимые группы респондентов: белорусы и русские. Общий массив включал 213 белорусских и 204 русских анкеты.

В первую аналитическую подвыборку вошли белорусские респонденты, отвечавшие на блок вопросов о русских (n=213). По полу эта подвыборка распределялась следующим образом: 70 мужчин и 143 женщины. По возрасту в массиве были практически равномерно (по ~50 чел) представлены четыре поколения: 18–29 лет, 30–39 лет, 40–49 лет, 50 лет и старше.

Во вторую аналитическую подвыборку вошли русские респонденты, отвечавшие на блок вопросов о белорусах (n=204). По полу подвыборка распределялась следующим образом: 69 мужчин и 135 женщин. По возрасту также представлены четыре поколения.

В анализ включены четыре открытых вопроса, зеркально построенные в обеих группах: о положительных чертах народа, о негативных чертах народа, о достижениях народа и о выдающихся представителях народа. Такой набор вопросов позволяет реконструировать образ другого народа сразу в нескольких измерениях: характерологическом, оценочном, когнитивно-историческом и персонализированном.

Понимая ограничения срезового характера выборки, мы трактуем результаты как описание структуры представлений в данном эмпирическом сегменте, не как статистически репрезентативное описание всех белорусов и всех русских в генеральной совокупности.

Анализ и техническая реализация

Аналитическая процедура в обеих подвыборках была одинаковой. На первом этапе из общего массива выделялась соответствующая группа респондентов. На втором этапе каждый открытый ответ разбивался на элементарные смысловые единицы. Если респондент, например, писал «добрые, открытые, душевные», такой ответ интерпретировался как три отдельные единицы. Разбиение было необходимо для сохранения порядка упоминания, без которого невозможно вычислить когнитивную значимость элемента.

На следующем этапе проводилась нормализация текста: ответы приводились к нижнему регистру, устранялись технические различия написания, близкие словоформы и однокоренные выражения сводились к единой семантической форме. Лекси-

чески и содержательно близкие элементы объединялись в укрупненные аналитические категории по заранее сформированному категориальному словарю. Так, например, формулировки «добрый», «доброта», «добродушный», «доброжелательный» объединялись в категорию «доброта/доброжелательность», а «хамство», «грубость», «невоспитанность» — в категорию «хамство/грубость». Принципиально важно, что после формирования словаря дальнейшее распределение ответов по категориям осуществлялось алгоритмически. Это обеспечивало:

- воспроизводимость процедуры;
- единообразие кодировки;
- снижение влияния ситуативных исследовательских решений;
- минимизацию различий, характерных для независимой ручной кодировки несколькими экспертами.

Таким образом, согласованность кодировки обеспечивалась не через межэкспертное сопоставление, а через алгоритмически унифицированное применение единого категориального словаря ко всему массиву.

Дополнительно после автоматической обработки проводилась выборочная ручная верификация категориальных соответствий для контроля содержательной валидности словаря и исключения очевидных ошибок семантического сопоставления.

После кодирования для каждой категории рассчитывались два показателя: частота упоминания и средний ранг первого появления в ответе. Под частотой понималось количество респондентов, у которых соответствующая категория встретилась хотя бы один раз. Средний ранг первого упоминания отражал, на какой позиции категория в среднем возникала в ответах респондентов. На основе этих двух параметров строилась четырехзонная структура представления: центральное ядро, первая периферия, контрастная зона и вторая периферия (Снежкова, Шалыгина, 2020; Dany, Urdapilleta, Lo Monaco, 2015; Lo Monaco et al., 2017).

Техническая реализация анализа осуществлялась в среде GoogleColab с использованием Python. Скрипт автоматически выполнял чтение Excel-файла, выделение подвыборок, сегментацию ответов, словарную кодировку, построение таблиц частот и итоговых таблиц Вержеса. Это позволило сделать процедуру воспроизводимой и исключить значительную часть арифметических и технических ошибок при подсчете частот и рангов.

Все выводы в настоящем отчете основаны только на тех переменных, чья содержательная привязка к объекту анализа однозначно подтверждается формулировками открытых вопросов.

Результаты исследования: образ русских у белорусов

Позитивные черты русского народа

Позитивный образ русских у белорусских респондентов формируется прежде всего вокруг морально-этических, волевых и коллективистских качеств. Наиболее устойчивыми категориями выступают доброта и доброжелательность, открытость, душевность и простота, а также гостеприимство, щедрость и радушие. Значимыми, хотя и менее центральными, оказываются также трудолюбие, терпение, стойкость, честность, искренность и патриотизм. В структурном отношении это позволяет говорить о том, что ядро положительной репрезентации организовано вокруг категорий моральной близости и «человеческой теплоты», а не вокруг инструментальных достоинств, вроде дисциплины, рациональности или эффективности.

Содержательно это означает, что русские воспринимаются белорусскими респондентами прежде всего как «добрые», «открытые», «душевные» и «радушные». Однако при этом сам позитивный образ не является полностью однозначным: в части анкет при ответе на вопрос о положительных качествах появляются амбивалентные или негативные вкрапления. Что может указывать на внутреннюю напряженность представления: для части респондентов образ русских не раскладывается на две полностью независимые сферы — положительную и отрицательную.

Негативные черты русского народа

В блоке негативных качеств обращает на себя внимание сочетание двух тенденций. С одной стороны, заметная доля респондентов либо не называет отрицательных черт вообще, либо отвечает, что таких черт нет. С другой стороны, в содержательном массиве достаточно отчетливо выделяется негативное ядро, включающее высокомерие и наглость, хамство и грубость, лень и пассивность, пьянство и алкоголизацию.

Вместе с тем негативный образ русских не ограничивается только бытовыми оценками. В части ответов появляются элементы, имеющие политико-историческую нагрузку: империализм, авторитарность, ориентация на сильную власть. Такие категории мы интерпретируем как элементы контрастной зоны негативной репрезентации. Категории обладают сравнительно низкой частотой, но характеризуются ранним появлением в ответах, а, следовательно, высокой когнитивной значимостью для части респондентов. Тем самым негативная репрезентация русских оказывается двухслойной: первый слой связан с повседневно-бытовой критикой, второй — с политизированной интерпретацией русских как коллективного субъекта.

Достижения русского народа

Блок, посвященный достижениям русского народа, демонстрирует высокий уровень когнитивной насыщенности образа. В отличие от чисто характерологических описаний, здесь респонденты воспроизводят более крупные культурные и исторические маркеры. Центральное место занимают космос и космонавтика, наука и открытия, а также культура, литература и искусство. В периферийных и контрастных зонах появляются спорт, атомная энергетика, промышленность, инфраструктура, технологии и военная сфера.

Такое распределение показывает, что образ русских представлен в сознании белорусских респондентов не просто как народ с определенным характером, а как значимый историко-цивилизационный субъект, связанный с большими символическими достижениями. Наиболее устойчивыми маркерами оказываются не бытовые успехи, а именно крупные эмблематические домены: космос, наука и высокая культура.

Выдающиеся представители русского народа

Для выявления персонализированного образа в ходе исследования блоки персоналий как у русской, так и у белорусской подвыборки были допол-

нительно декомпозированы на несколько аналитических подкатегорий:

- политические лидеры (действующие);
- политические лидеры (исторические);
- деятели культуры до XX века;
- деятели культуры XX–XXI вв.;
- ученые и изобретатели;
- представители космической и научно-технической сферы;
- спортсмены;
- иные персоналии.

Такая декомпозиция позволила перейти от анализа отдельных имен к анализу типов символической репрезентации народа.

В образе русских у белорусских респондентов одновременно представлены:

- культурно-литературный канон;
- научный канон;
- космический и технологический канон;
- политическая субъектность.

В ответах устойчиво воспроизводится классический культурный и научный канон: Пушкин, Толстой, Достоевский, Ломоносов, Менделеев, Гагарин, Чайковский, Королев. Одновременно значимую роль играет фигура действующего политического лидера.

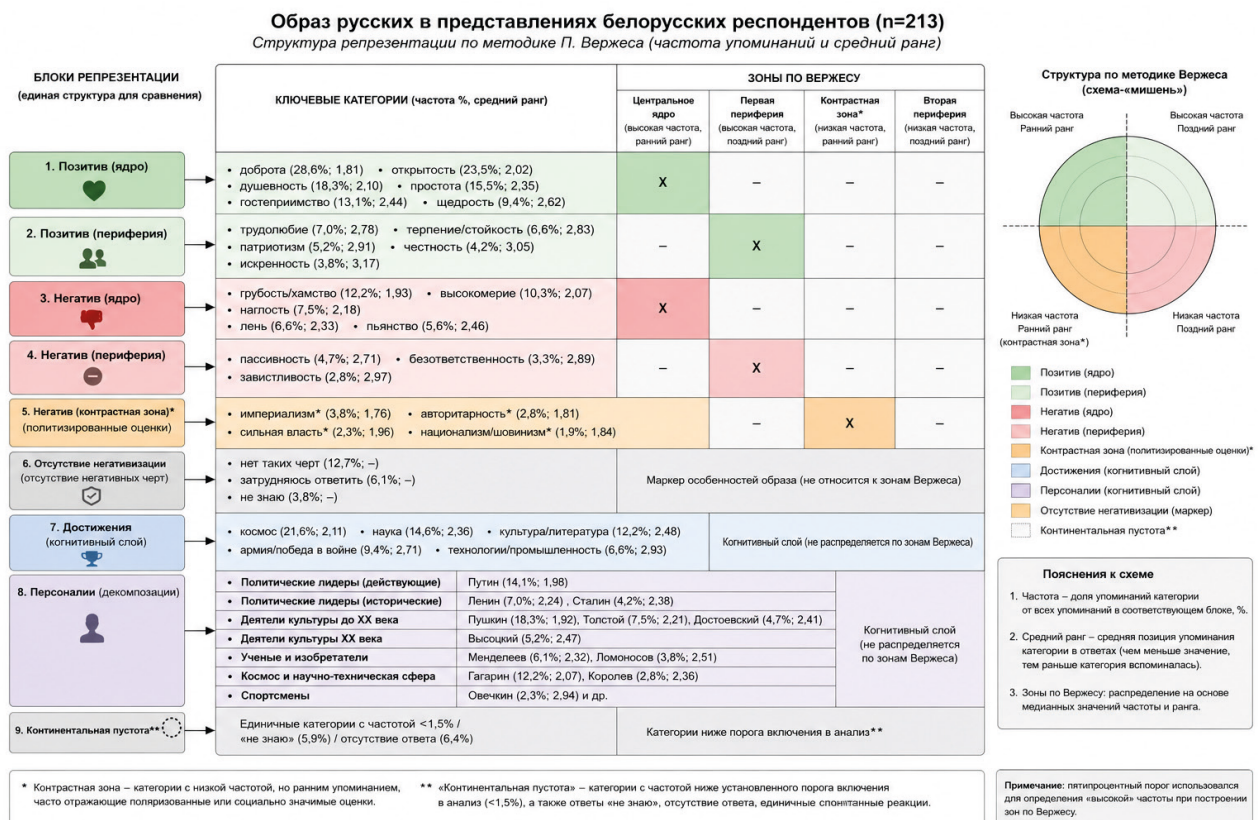

Рис. 1. Образ русского народа в представлениях белорусских респондентов (n=213)¹

¹ На рис. 1 и 2 представлены таблицы Вержеса, включающие: аналитическую категорию; частоту упоминания; долю упоминаний (%); средний ранг появления категории; структурную зону репрезентации. Границы зон определялись на основе медианных значений частоты и среднего ранга внутри соответствующего блока категорий.

Такое наложение особенно показательно: русские воспринимаются не только как носители определенных моральных качеств, но и как народ, представленный через литературу, науку, космос и актуальную политическую субъектность. Иначе говоря, образ России у белорусских респондентов организован не как простой набор этнопсихологических стереотипов, а как более сложная репрезентация, в которой культурное величие и политическая сила оказываются включенными в единое смысловое поле (см. рис. 1).

Результаты исследования: образ белорусов у русских

Позитивные черты белорусского народа

Позитивный образ белорусов у русских респондентов формируется прежде всего вокруг моральных и волевых качеств. Наиболее устойчивыми категориями выступают доброта и доброжелательность, дружелюбие и открытость, а также трудолюбие. Значимыми, хотя и менее центральными, оказываются также гостеприимство и радушие, честность и искренность, простота и скромность, спокойствие и сдержанность.

Содержательно это означает, что белорусы воспринимаются русскими респондентами прежде всего как «добрые», «открытые», «дружелюбные» и «трудолюбивые». В отличие от более сложных политизированных образов, здесь позитивная часть представления выглядит сравнительно цельной и мало конфликтной. Особенно показательно, что трудолюбие занимает не периферическое, а устойчивое место рядом с моральными характеристиками; тем самым образ белорусов строится не только как образ «приятных» людей, но и как образ надежных и работоспособных людей.

Вместе с тем уже на уровне положительных характеристик заметна и ограниченность образа. Он описывает белорусов прежде всего через обобщенные моральные черты, но слабо опирается на более дифференцированные культурные, исторические или социальные различия. Это важный результат для всей работы: позитивный образ присутствует, но он относительно общий и слабо детализированный.

Негативные черты белорусского народа

Негативный блок ответов у русских респондентов выражен слабо. Значительная часть подвыборки либо вообще не называет отрицательных черт, либо затрудняется дать содержательный ответ. Среди тех характеристик, которые все же повторяются, выделяются хитрость и расчетливость, жадность, доверчивость и мягкотелость, а также в единичных случаях — лень, скрытность и недоверие.

Такое распределение указывает на слабую структурированность негативной репрезентации. В отличие от образов, где формируется отчетливое негативное ядро, здесь отрицательные характеристики немногочисленны, фрагментарны и не образуют устойчивой системной рамки. Для интерпретации особенно важно, что негативные характеристики имеют преимущественно повседневный, а не политико-исторический характер. Иначе говоря, русские респонденты, говоря о белорусах, скорее воспроизводят отдельные бытовые стереотипы, чем формируют конфликтную историческую схему восприятия народа в целом.

Достижения белорусского народа

Блок, посвященный достижениям белорусского народа, демонстрирует заметно более низкий уровень когнитивной насыщенности образа, чем блок положительных качеств. Наиболее устойчивой категорией оказывается сельское хозяйство и связанная с ним продуктовая тема. Реже упоминаются промышленность и машиностроение, а также культура, литература и искусство. Существенная доля респондентов вообще не дает содержательного ответа.

Такое распределение показывает, что достижения белорусского народа в данном массиве ассоциируются, в основном, с сельским хозяйством и его продуктами, «хозяйственностью», тогда как культурные и технологические достижения занимают существенно более скромное место. Позитивная аффективная оценка не сопровождается столь же богатым знанием о достижениях народа.

Выдающиеся представители белорусского народа

В образе белорусов у русских респондентов персонализированная репрезентация оказалась значительно более концентрированной и, в высокой степени, сведенной к действующему политическому лидеру. Абсолютно доминирующей фигурой здесь выступает действующий президент, А.Г. Лукашенко. При этом доля респондентов, не назвавших никого, почти сопоставима с числом тех, кто упомянул именно его. Все остальные персоналии — Янка Купала, Марк Шагал, Мулявин и «Песняры», Якуб Колас, С. Алексиевич, П. Машиеров — встречаются значительно реже и не формируют сопоставимого по силе культурного канона.

Это означает, что персонализированный образ белорусов в русской подвыборке строится прежде всего вокруг одной политической фигуры. Культурно-исторический слой присутствует, но заметно слабее и менее устойчив. В аналитическом плане это можно трактовать как признак слабой когнитивной разработанности культурного канона белорусского народа в русской подвыборке (см. рис. 2).

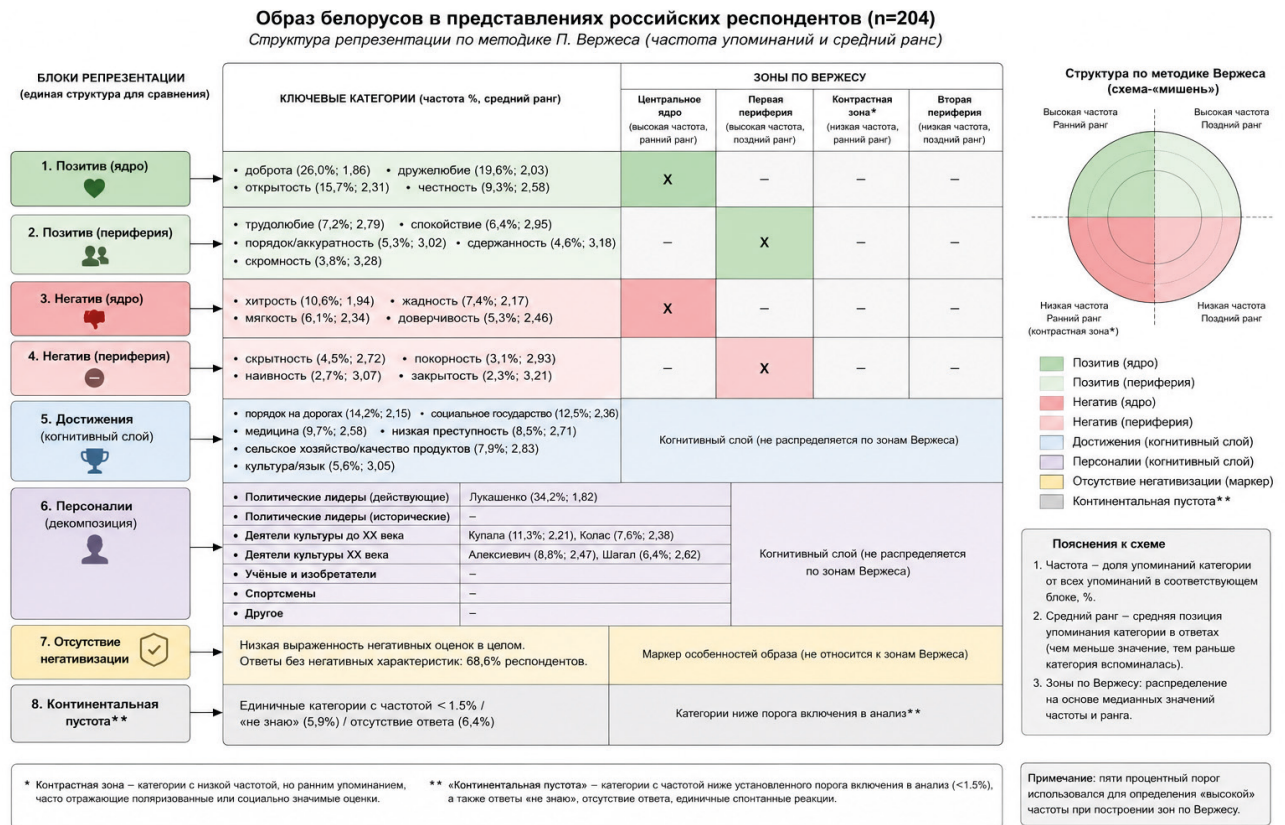

Рис. 2. Образ белорусского народа в представлениях русских респондентов (n=204)

Сравнительный анализ образов русских и белорусов

Сопоставление двух подвыборок показывает, что взаимные представления русских и белорусов имеют не симметричный, а асимметричный характер. В обоих массивах позитивное ядро строится вокруг морально-этических, волевых и социальных качеств: доброты, открытости, доброжелательности, трудолюбия, гостеприимства. Это означает, что на базовом уровне образ «другого» в обеих группах сохраняет выраженно человеческое и этическое измерение. И русские, и белорусы склонны прежде всего описывать другой народ как совокупность морально оцениваемых качеств, а не как чисто политический объект.

Однако на этом сходство фактически заканчивается. Образ русских у белорусов оказывается более сложным, более внутренне напряженным и более политизированным. Позитивная часть этого образа сочетается с отчетливым негативным слоем, включающим не только бытовые претензии, но и политико-исторические интерпретации. Кроме того, в блоках достижений и персоналий белорусские респонденты демонстрируют сравнительно богатый культурно-исторический канон, в котором одновременно присутствуют классическая культура, наука, космос и государственно-политическая субъектность России.

Напротив, образ белорусов у русских выглядит заметно более благожелательным, но и более упрощенным. Негативный слой в нем слаб, фрагментарен и почти не имеет политико-исторической глубины. В блоке достижений образ белорусов существенно редуцирован и тяготеет к аграрно-производственной рамке. В блоке персоналий культурный канон оказывается слабым, а персонализированный образ концентрируется преимущественно вокруг одной политической фигуры.

Таким образом, различие между двумя массивами следует описывать не в терминах «кто относится лучше» или «хуже», а в терминах структуры репрезентации. Белорусская подвыборка воспроизводит образ русских как более крупного, исторически нагруженного и политически проблематизированного объекта. Русская подвыборка, напротив, воспроизводит образ белорусов как объекта более близкого, морально позитивного, но когнитивно менее разработанного. Иначе говоря, образ русских у белорусов сложнее и конфликтнее, а образ белорусов у русских — мягче, но заметно беднее по содержанию.

Для сравнительного анализа особенно важны два результата. Во-первых, позитивная моральная оценка другого народа вовсе не гарантирует когнитивной насыщенности его образа. Русские респонденты в целом тепло описывают белорусов,

но это теплое описание остается слабо детализированным. Во-вторых, более высокий уровень когнитивной насыщенности образа может сопровождаться не снижением, а усилением внутренней амбивалентности. Именно это видно в белорусской подвыборке, где богатое знание о России и русских сочетается с выраженным политико-историческим напряжением.

Ограничения исследования

В ходе исследования были выявлены следующие ограничения, потенциально влияющие на интерпретацию полученных результатов:

1. Проблема самоотбора респондентов. Формат сбора данных (добровольное онлайн-анкетирование) влечет за собой неслучайный характер выборки. В исследование с большей вероятностью включаются лица, обладающие определенными характеристиками: повышенной мотивацией к участию, интересом к теме, доступом к соответствующим каналам коммуникации и т. д. Такой механизм отбора может снижать репрезентативность выборки, затруднять экстраполяцию результатов на генеральную совокупность.

2. Отсутствие дифференцированного анализа социально-демографических характеристик. В массиве данных представлены выборки с распределением по полу и возрасту, однако в анализе эти данные не используются для сегментации и сравнения групп. В частности: возрастные когорты (например, поколения, сформировавшиеся в период СССР, и поколения постсоветского периода) могут демонстрировать значимые различия в восприятии изучаемых явлений в социокультурном контексте; различия по представительству мужчин и женщин способны влиять на выраженность исследуемых показателей.

3. Эффект социальной желательности. При ответах на вопросы, касающиеся негативных личностных черт или социально неодобряемого поведения, респонденты склонны искажать свои истинные мнения и установки. Это может приводить к смещению данных: участники стремятся представить себя в более благоприятном свете. Особенно ярко данный эффект проявляется в вопросах, нацеленных на выявление негативно окрашенных характеристик.

4. Влияние текущей информационной повестки. Существует временной разрыв между датой публикации цитируемых исследований (2026) и моментом проведения исследования (2025 год), что может обуславливать расхождение в релевантности данных. Динамика социальных установок, культурных норм и медийного контекста

способна модифицировать как проявления изучаемых феноменов, так и способы их восприятия респондентами.

5. Отсутствует четкая дифференциация понятий «русские», «белорусы». Заголовок анкеты сформулирован как «исследование социально-психологических характеристик и черт русского и белорусского народов». Мы интерпретируем это «как культурно-этническая принадлежность». Однако, отсутствие в преамбулы анкеты явного разъяснения терминов и инструкций для респондентов может повысить вероятность субъективной интерпретации вопроса, что может создать риск разночтений при интерпретации данных: граждан РФ и РБ (политико-правовая категория); этнических русских и белорусов (культурно-этническая принадлежность); русскоязычное и белорусскоязычное население в целом (языковая общность). Что может затруднить сопоставление результатов с данными других исследований.

Заключение

Проведенный сравнительный анализ показывает, что взаимное восприятие русских и белорусов строится на общей морально-этической и волевой основе, но расходится по степени когнитивной насыщенности, политизации и внутренней конфликтности. В обоих случаях другой народ описывается прежде всего через категории доброты, открытости, дружелюбия, трудолюбия и гостеприимства. Это указывает на наличие устойчивого позитивного этического регистра во взаимных представлениях.

Вместе с тем репрезентация русских у белорусских респондентов оказывается более многослойной. Она включает не только морально позитивный образ, но и выраженный негативный слой, в котором сочетаются бытовые претензии и политико-исторические интерпретации. Кроме того, этот образ поддерживается значительно более насыщенным знанием о достижениях и персоналиях. Русские выступают в нем как культурно и исторически значимый коллективный субъект, связанный с космосом, наукой, литературой, государственностью и политической властью.

Репрезентация белорусов у русских респондентов, напротив, выглядит более цельной в позитивной части и менее конфликтной в негативной. Однако за этой внешней благожелательностью скрывается более узкий и редуцированный образ: достижения белорусов описываются в основном через сельское хозяйство и продукцию, а персональный образ белорусского народа в значительной степени сжимается до одной политической

фигуры. Тем самым положительная аффективная оценка не сопровождается столь же богатым культурно-историческим знанием.

Итоговый вывод исследования состоит в том, что взаимные образы русских и белорусов не зеркальны. Они совпадают по моральному позитивному каркасу, но расходятся по уровню когнитивной разработанности и по степени политико-исторической проблематизации. Для белорусской подвыборки русские выступают как более крупный и сложный символический объект; для русской подвыборки белорусы — как более близкий и доброжелатель-

но воспринимаемый, но менее детализированный и менее культурно насыщенный объект.

С учетом ограничений массива все выводы корректно трактовать как характеристику структуры представлений внутри данного эмпирического корпуса. Тем не менее полученные результаты показывают высокую аналитическую продуктивность контент-анализа в логике Вержеса для исследования взаимных этносоциальных представлений и дают содержательную основу для дальнейшей интерпретации русско-белорусских символических отношений.

Литература:

- Емельянова Т.П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: ИП РАН, 2006.
- Московиси С.* Социальные представления // В кн.: Форгас Дж. (ред.) Социальное познание: взгляд на повседневное понимание. Лондон: Academic Press, 1981. С. 181.
- Снежкова И.А., Шалыгина Н.В.* (ред.) Образы России и Беларуси в представлениях молодежи двух стран в XXI веке: коллективная монография. Ин-т этнологии и антропологии РАН; Белорусский гос. ун-т. М.: ИЭА РАН. 2020. С. 5–16.
- Dany L., Urdapilleta I., Lo Monaco G.* Free associations and social representations: some reflections on rank-frequency and importance-frequency methods // *Quality & Quantity*. 2015. Vol. 49. № 2. P. 489–507.
- Lo Monaco G., Piermattéo A., Rateau P., Tavani J.-L.* Methods for Studying the Structure of Social Representations: A Critical Review and Agenda for Future Research // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. 2017. Vol. 47. № 3. P. 306–331.
- Moliner P., Abric J.-C.* Central core theory // *The Cambridge Handbook of Social Representations* / ed. by G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 83–95.
- Sammut G., Andreouli E., Gaskell G., Valsiner J.* Social representations: a revolutionary paradigm? // *The Cambridge Handbook of Social Representations* / ed. by G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 3–11.
- Wachelke J., Wolter R.* Criteria for construction and report of prototypical analysis for social representations // *Psicologia: Teoria e Pesquisa*. 2011. Vol. 27. № 4. P. 521–526.
- Yzerbyt V.* Intergroup stereotyping // *Current Opinion in Psychology*. 2016. Vol. 11. P. 90–95.

MUTUAL PERCEPTIONS OF RUSSIANS AND BELARUSIANS: A COMPARATIVE ANALYSIS OF OPEN-ENDED RESPONSES

© Olga N. Gagaeva

Postgraduate Student, Moscow Institute of Psychoanalysis, Moscow, Russia
ova30@yandex.ru, ORCID: 0009-0007-7131-812X

The article presents a comparative analysis of the mutual social representations of Russians and Belarusians, based on the methodology of the theory of social representations. The study is based on the analysis of open responses from 417 respondents from Russia and Belarus. Content analysis was used as an empirical tool, following the logic of P. Verges's prototypical analysis. It was found that the mutual representations are not symmetrical: the image of Russians in Belarus is more complex and politicized, while the image of Belarusians in Russia is benevolent but less cognitively rich.

Keywords: Ethnosocial representations, interethnic relations, mutual stereotypes, content analysis, of prototypical analysis for social representations

REFERENCES

- Emelianova T.* (2006). *Constructing Social Representations in the Context of Russian Society's Transformation*. Moscow: IP RAS.
- Moscovici S.* (1981). *Social Representations* // In J. Forgas (Ed.), *Social Cognition: Perspectives on Everyday Understanding*. London: Academic Press. P. 181.
- Snezhkova I., Shalygina N.* (2020). *Images of Russia and Belarus in the Representations of the Youth of the Two Countries in the 21st Century: Collective Monograph* / Ed. by I. A. Snezhkova, N. V. Shalygina; a team of authors; Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences; Belarusian State University. Moscow: IEA RAS. P. 5–16.
- Dany L., Urdapilleta I., Lo Monaco G.* (2015). Free associations and social representations: some reflections on rank-frequency and importance-frequency methods // *Quality & Quantity*. Vol. 49. № 2. P. 489–507.
- Lo Monaco G., Piermattéo A., Rateau P., Tavani J.-L.* (2017). Methods for Studying the Structure of Social Representations: A Critical Review and Agenda for Future Research // *Journal for the Theory of Social Behaviour*. Vol. 47. № 3. P. 306–331.
- Moliner P., Abric J.-C.* (2015). Central core theory // *The Cambridge Handbook of Social Representations* / ed. by G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner. Cambridge: Cambridge University Press. P. 83–95.
- Sammut G., Andreouli E., Gaskell G., Valsiner J.* (2015). Social representations: a revolutionary paradigm? // *The Cambridge Handbook of Social Representations* / ed. by G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner. Cambridge: Cambridge University Press. P. 3–11.
- Wachelke J., Wolter R.* (2011). Criteria for construction and report of prototypical analysis for social representations // *Psicologia: Teoria e Pesquisa*. Vol. 27. № 4. P. 521–526.
- Yzerbyt V.* (2016). Intergroup stereotyping // *Current Opinion in Psychology*. Vol. 11. P. 90–95.